УДК 346.12 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-122-129

ПРИВЛЕЧЕНИЕ БЕНЕФИЦИАРОВ БИЗНЕСА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мкртчян Геннадий Мнацаканович аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: gena.mcrtchyan@yandex.ru

Аннотация

Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» внес в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» новую главу, посвященную субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. Данная глава вводит ряд презумпций контроля над должником, которые позволяют более эффективно привлекать к ответственности конечных бенефициаров бизнеса. В данной статье рассматриваются практика привлечения к ответственности лиц, извлекающих выгоду из недобросовестного поведения должника, ответственность за причинение существенного вреда кредиторам, а также вопросы подачи заявления о банкротстве налоговым органом.

Ключевые слова: *несостоятельность, банкротство, субсидиарная ответственность, бенефициар, выгодоприобретатель, должник, сделка, кредитор, бизнес, долг.*

Статья 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» раскрывает понятие контролирующего должника лица. В данной статье есть ряд презумпций, которые предполагают контроль со стороны лиц, привлекаемых к ответственности, Одной из таких презумпций является «презумпция выгодоприобретателя». Так, согласно подпункту 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» лицо предполагается контролирующим, если оно извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. [1, с. 5 – 7]

Следовательно, к субсидиарной ответственности может быть привлечено лицо, формально не связанное с должником, но получающее выгоду из его недобросовестного либо незаконного поведения. В судебной практике также намечена тенденция отказа от формальных признаков контроля над должником и привлечения к субсидиарной ответственности реальных бенефициаров бизнеса. Для предотвращения возникновения споров, на мой взгляд, необходимо зафиксировать в законодательстве понятие выгоды, в основу которого можно положить разъяснения, данные в письме Федеральной налоговой службы России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ».

Так, в пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» указано, что лицо предполагается контролирующим, если оно извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника.

Также в данном пункте отмечается, что контролирующим должника является лицо, получившее актив должника путем заключения одной либо ряда сделок, по которым не было произведено встречное предоставление, либо предоставление было неравно-

значным, тем самым, имущественному положению должника был нанесен ущерб повлекший невозможность исполнения обязательств перед кредиторами [2, с. 2].

Еще одной презумпцией выгодоприобретателя является извлечение преимущества из построения бизнес-модели, которая предполагает создание центров прибыли и центров убытков, с целью дальнейшего вывода активов и прибыли в пользу конечного бенефициара.

Также ценны разъяснения ФНС России относительно применения данной нормы, которые даны в письме Федеральной налоговой службы России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ».

В главе 2 указанного письма даются разъяснения понятия выгоды, данного в подпункте 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Налоговый орган поясняет, что под выгодой для целей применения рассматриваемой нормы стоит понимать всякое увеличение охраняемого законом материального или нематериального блага, а также любые благоприятные для контролирующего должника лица изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имущественным, так и неимущественным (нематериальным).

Если должник осуществлял свою деятельность, несмотря на то, что она приносила ему убыток, и руководством компании не применялись попытки смены бизнес-модели, но при этом создавалась выгода для третьих лиц, то это может означать недобросовестное поведение должника, так как оно противоречит самой сути предпринимательской деятельности.

Одним из вариантов построения недобросовестной бизнес-модели является создание нескольких фирм, подконтрольных одному лицу, и путем распределения активов, прибыли и убытков уходить от налогов и приводить к банкроству фирмы, являющиеся центрами долгов. В таком случае банкротство носит криминальный характер, а конечный бенефициар, извлекающий выгоду из построения такой бизнес-модели, должен быть привлечен к субсидиарной ответственности. [3, с. 28 – 39]

Такая ситуация была рассмотрена в деле № А33-1677/2013, в рамках которого к субсидиарной ответственности был привлечен конечный бенефициар, который создал ряд предприятий, между которыми распределялись активы и прибыль. [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013].

В своем определении от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472(4,5,7) Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила, что нижестоящие суды неверно определяли доказательства контроля над обществом, а именно – запрашивали документы, исходящие от конечного бенефициара, в которых содержались бы прямые указания действий должнику.

Экономическая коллегия отмечает, что конечный бенефициар обычно не имеет формальных связей с должником и не заинтересован раскрывать возможность оказывать влияние на должника.

В данном случае судам следует устанавливать связь между должником и бенефициаром, обратив внимание на поведение последнего, а именно:

- синхронность действий указанных лиц, при одновременном отсутствии в них объективных экономических причин;
- действия должника противоречат его экономическим интересам и одновременно ведут к приросту имущества конечного бенефициара (как это произошло в рассматриваемом деле путем вывода активов должника, приведших тем самым куменьшению конкурсной массы);
- данные действия не могли иметь место, ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одного другому и т.д. [4, с. 20 – 25].

Как отмечается в пункте 2.1.1 письма Федеральной налоговой службы России от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148 @ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» контроль над должником может быть как прямым, так и косвенным. Во втором случае должник и выгодоприобретатель по сделки могут находится под контролем конечного бенефициара.

Так например, в громком деле о банкротстве ООО «Дальняя степь» конечные бенефициары также были привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, хотя должник контролировался не напрямую.

В ходе процесса было выявлено, что контроль осуществлялся не напрямую, а через ряд аффилированных организаций, находящихся в оффшорах. Как указал Верховный Суд РФ, контроль можно доказать, даже, если «путем сложного и непрозрачного структурирования корпоративных связей (в том числе с использованием оффшорных организаций) или иным способом, скрывается информация, отражающая объективное положение дел по вопросу осуществления контроля над должником» [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 года № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006].

При этом лицо, которое получило прямо или косвенно выгоду, предполагается инициатором недобросовестного поведения, которое было необходимо для получения выгоды. При опровержении данного обстоятельства лицо должно экономически обосновать получение выгоды [5, с. 39 – 46].

Еще одним делом о привлечении к субсидиарной ответственности конечного бенефициара является дело «УралСнабКомплект» против Максимова Н.В., в рамках которого к субсидиарной ответственности в размере 6,3 млрд руб. был привлечен Максимов Н.В. Суды пришли к выводу о том, что именно он является лицом, контролирующим должника, поскольку все лица, которые входили в органы управления «УралСнабКомплект», и могли определять его действия, занимали руководящие должности в подконтрольных Максимову фирмах [6, с. 4 – 15].

В Определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2013 года № ВАС-11134/12 по делу № А60-1260/2009, которым отказано в передаче дела в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора, указано, что «действующее законодательство не исключает возможность привлечения к субсидиарной ответственности фактически контролирующего должника лица, проводящего свою волю через иных, подконтрольных фактическому руководителю, физических и юридических лиц, которые в действительности не выступали в качестве самостоятельных субъектов гражданских отношений».

Анализ крупных сделок должника показал отсутствие их экономической целесообразности и судами был сделан вывод о том, что их целью было получение финансовой выгоды контролирующим должника лицом. Исходя из этого Максимов Н.В. был привлечен к субсидиарной ответственности. [Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2012 года № Ф09-727/10 по делу № А60-1260/2009].

Еще одним знаковым делом о привлечении к субсидиарной ответственности конечного бенефициара стало дело «Межпромбанка» против Пугачева С.В. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 30.04.2015 по делу № А40-119763/2010 были привлечены к ответственности руководители исполнительной дирекции банка, а также конечный бенефициар банка Пугачев С.В. В рамках банкротства Межпромбанка следствием было установлено, что банк в преддверии своего банкротства выдал невозвратные кредиты структурам, подконтрольным Пугачеву, на сумму свыше 64 млрд рублей.

В рамках указанного дела было доказано, то, что Пугачев, который формально не был связан с банком, являлся его конечным бенефициаром. Лица, входящие в органы управления Межпромбанка фактически не имели самостоятельности, а все ключевые решения принимались лично Пугачевым. В данном случае имело место применение подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который предполагает контроль над должником со стороны лица, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного пове-

дения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В итоге Пугачев был привлечен к субсидиарной ответственности на сумму 75 млрд рублей. [Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.10.2015 года № Ф05-10535/2011 по делу № А40-119763/2010, Определение Верховного суда РФ от 29.01.2016 года № 305-ЭС14-3834].

Подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» презюмирует субсидиарную ответственность лица, контролирующего должника, в случае если указанное лицо одобряло или совершало сделки, направленные на ухудшение финансового положения должника, либо указанные сделки были совершены в пользу контролирующего лица. В случае выявления такого рода сделок бремя доказывания добросовестности поведения ложится на лиц, контролирующих должника.

Данный пункт гласит о причинении существенного вреда кредиторам, следовательно, сами сделки, совершенные должником, должны быть значительными относительно масштабов его деятельности, а также принести существенный вред должнику и быть экономически нецелесообразными [7, с. 39 – 55].

Стоит отметить, что законодателем не даны разъяснения относительно того, какой вред считать значительным. В связи с этим ценны разъяснения ФНС, данные в пункте 4.1.1 письма Федеральной налоговой службы России от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148 @ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ», согласно которым существенным рекомендуется считать вред с суммой сделки, эквивалентной 20 – 25 % от общей балансовой стоимости имущества должника. При этом данная сумма может быть и меньше, если должником в результате сделки утрачено имущество, отсутствие которого осложняет, либо делает невозможной хозяйственную деятельность должника.

Ее экономическая нецелесообразность может проявляться как, например, в значительном отличии от рыночных условий подобного рода сделок (сделка, например, может быть совершена с заниженной ценой, с предоставлением значительной отсрочки платежа и т. д.). В данном случае она подпадает под понятие подозрительной сделки и будет оспаривать по статье 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [8, с. 27 – 34].

Также к ответственности может быть привлечено лицо, фактически контролирующее должника, но при этом формально с ним никак не связанное. При этом необходимо доказать факт информированности о причинении вреда кредиторам. Признание сделки недействительной согласно статье 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с тем, что ее целью было причинение имущественного вреда кредиторам, либо оспаривание ее по пункту 3 статьи 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» как сделки, совершенной с предпочтением, создает презумпцию осведомленности о том, что данные сделки могут нанести вред кредиторам. Однако контрагент по данной сделке не несет риска привлечения к ответственности даже в случае аффилированности с должником, так как к ответственности будет привлечен конечный бенефициар сделки. Тем не менее, для привлечения лица контролирующего должника к субсидиарной ответственности признание сделки недействительной не требуется. Для этого необходимо установление факта действия либо бездействия лица, контролирующего должника, которые причинили вред кредиторам, факт нахождения должника под контролем привлекаемого лица (данный факт, как указано выше, может быть доказан как прямыми указаниями от лица, так и, например, извлечением им выгоды из незаконного, либо недобросовестного поведения должника и т. д.), а также необходимо доказать факт того, что именно действиями лица, контролирующего должника, был причинен имущественный вред кредиторам, то есть имеется причинно-следственная связь между действием либо бездействием и ущербом [9, с. 1 – 2].

Примечательным является также дело Федеральной налоговой службы против Лебедева П.В., в котором к ответственности было привлечено лицо, которое сложило с себя полномочия директора и вышло из состава учредителей с целью избежания ответственности, при этом сохранив полный контроль над обществом.

В отношении общества с ограниченной ответственностью «Уралавтостекло» была проведена налоговая проверка, в ходе которой было доначислено 10 090 500 рублей обязательных платежей и 2 489 016,41 рублей пени. Во время проведения налоговой проверки Лебедев П.В. сменил место регистрации должника, снял с себя полномочия директора общества и вышел из состава его учредителей. После проведения данных действий должник не совершал каких-либо сделок, хозяйственная деятельность не велась, финансовая и налоговая отчетности не подавались, в связи с чем Арбитражный суд Пермского края в своем определении от 30.10.2015 по делу № А50-15205/2013 пришел к выводу о том, что действия по смене руководителя и учредителей должника носили технический характер и были совершены с целью ухода от ответственности. Данные действия следует квалифицировать как злоупотребление правом.

Налоговая проверка выявила ряд нарушений, которые и привели к доначислению налогов на сумму 10 090 500 рублей и 2 489 016,41 рублей пени, а во время процедуры банкротства должника одна из сделок была признана недействительной в связи с неравноценным встречным исполнением и причинением этой сделкой вреда кредиторам должника [10, с. 192].

Также стоит отметить, что после смены руководителя и выхода ответчика из состава учредителей общество перестало осуществлять свою деятельность, а Лебедев продолжал контролировать его деятельность, имея доступ к банковским операциям и электронной подписи для подачи документов бухгалтерской отчетности, следовательно, он не утратил корпоративного контроля над деятельностью должника [Определение Арбитражного суда Пермского края от 30.10.2015 по делу № А50-15205/2013, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2016 и Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2016, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.02.2018 № 309-ЭС16-4810].

05.03.2019 года Конституционным Судом было рассмотрено знаковое дело, касающееся ответственности директора. Фабула дела заключалась в том, что в 2009 году суд арбитражный суд субъекта признал ООО ССК «СМУ-1» банкротом. В ходе процедуры выяснилось, что имущества недостаточно для выплаты вознаграждения арбитражному управляющему.

В этой связи управляющем было подано заявление в суд для взыскания с ФНС, которая являлась инициатором банкротства, суммы вознаграждения. В свою очередь налоговая служба через суд общей юрисдикции взыскала свои убытки с бывшего директора общества. Бывший директор общества В.А. Нужин посчитал, что положения закона, позволяющие взыскивать с руководителя обанкротившегося общества расходы, понесенные стороной инициировавшей процедуру банкротства, противоречат Конституции РФ. В связи с этим он принял решение обратиться в КС РФ [11, с. 195].

В своем Постановлении от 5 марта 2019 г. № 14-П Конституционный Суд РФ указал, что факт замещения лицом должности директора должника не может быть основанием для взыскания с него убытков, понесенных заявителем дела о банкротстве. Данные расходы необходимо предусматривать заранее, при обращении в суд с заявлением о банкротстве должника, и оценить экономический смысл подачи такого заявления.

На следующий день, 06.03.2019 года, Президиумом Верховного Суда РФ были опубликованы разъяснения в форме ответов на вопросы, которые касаются подачи заявления о банкротстве налоговым органом.

При рассмотрении первого вопроса – о возможности принятия к производству заявления Федеральной налоговой службы о признании организации банкротом, – к которому не приложены документы, свидетельствующие о наличии у должника имущества достаточного для покрытия расходов по делу о банкротстве, суду следует оставить такое

заявление без движения. Об отсутствии имущества могут свидетельствовать акты пристава о невозможности взыскания долга, справки налогового органа о том, что у должника отсутствует имущество, выписки о состоянии счета должника, сведения о непредставлении должником отчетности. Если такие документы имеются в деле, а налоговый орган их не опроверг иными документами, то суду необходимо возвратить заявление. Если же об отсутствии средств станет известно после принятия заявления, то суд прекращает производство. Недоимка в этих случаях будет считаться безнадежной к взысканию [12, с. 103 – 115].

Следующий вопрос, рассматриваемый в данных разъяснениях, касается последствий возвращения уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом в связи с отсутствием средств, необходимых на процедуру. Согласно подпункту 4.3 пункта 1 статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации возврат заявления будет являться основанием для признания недоимки, задолженности по пеням и штрафам безнадежными к взысканию, и для их списания установления дополнительных обстоятельств не требуется. Но такое списание не препятствует подачи налоговым органом заявления в суд с иском о привлечении контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности за неуплату налогов.

В связи с данным разъяснением, а также исходя из положений статьи 61.19 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», можно сказать, что налоговый орган имеет право подачи заявления о привлечении лица, контролирующего должника, к субсидиарной ответственности, минуя процедуру банкротства, но предварительно подав соответствующее заявление. Налоговый орган не обязан доказывать наличие у должника имущества, достаточного для покрытия расходов на управляющего. Если он это не сделает, и суд не станет рассматривать заявление о банкротстве, то для контролирующих лиц ответственность может наступить быстрее, что повысит эффективность взыскания.

Если имущество все же обнаружится, то возврат заявления или прекращение производства можно будет пересмотреть по вновь открывшимся существенным обстоятельствам, которые не были известны заявителю (пункт 1 части 2 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Что в таком случае будет с иском к контролирующим лицам, ВС не уточняет [13].

Подводя итог, следует отметить благоприятный характер сложившейся в судебной практике тенденции, позволяющей отказаться от формальных критериев при определении того, является ли лицо контролирующим, а также при оценке возможности лица влиять на принятие решений должником. Теперь суды обращают внимание на наличие реальной связи между бенефициаром и должником, которая может проявляться в виде получения выгоды от незаконного и недобросовестного поведения последнего, в том числе путем заключения сделок, наносящих ущерб кредиторам.

Кроме того, налоговый орган получил возможность привлечения лиц, контролирующих должника, минуя процедуру банкротства, что значительно повысит риски для недобросовестных руководителей бизнеса быть привлеченными к ответственности.

Данная тенденция может выступить определенным стимулом для руководителей и владельцев бизнеса осуществлять свою деятельность в рамках законодательства Российской Федерации с целью добросовестного исполнения юридическим лицом своих обязательств, возникающих в процессе хозяйственной деятельности.

Литература

1. *Зайцев О.Р*. Июльские поправки о субсидиарной ответственности в банкротстве неправильно называть реформой. Это, скорее, рестайлинг // «Корпоративные стратегии» №42 (9708) 2017 г. С. 5 –7.
2. *Буньков Д.* Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // "ЭЖ-Юрист", 2017, N 9.

3. *Кислов Д.* Кто ответит за налоговые грехи компании // «Новая бухгалтерия» № 3, 2019 С. 28 – 39.
4. *Колесникова Е.Н.* «О субсидиарной ответственности лиц, контролирующих организацию-должника» // "Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет", 2017, N 12. С. 20 – 25.
5. *Литовцева Ю*. «Нюансы привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности» // "Юридическая работа в кредитной организации", 2018, N 3. С. 39 – 46.
6. *Улезко А*. Новые подходы к субсидиарной ответственности лиц, осуществляющих фактический контроль // "Юридическая работа в кредитной организации", 2018, N 1. С. 4 – 15.
7. *Наумова О.* Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // "Административное право", 2019, N 1. С. 39 – 55.
8. *Няньkин А*. Уклонение от уплаты налогов: как государство усиливает контроль за нарушениями Налогового кодекса // «ЭЖ-Бухгалтер Бухгалтерское приложение» № 50 (9766), 2018. С. 27 – 34.
9. *Разумов И.* Субсидиарная ответственность лиц, контролировавших компанию-банкрота: детальная инструкция от Верховного Суда // "ЭЖ-Юрист", 2018, N 1. С. 1 – 2.
10. *Рыков И*. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации // "Статут", 2017 С. 192.
11. *Рыков И.Ю.* «Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента» // 2-е издание "Статут", 2019 С. 195.
12. *Слоневская А.Ю*. Институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника-банкрота // "Вестник экономического правосудия Российской Федерации", 2017, N 1 С. 103 – 115.
13. *Шестакова М*. КС РФ пояснил, когда налоговые органы не вправе взыскивать судебные расходы и расходы на вознаграждение арбитражному управляющему только с директора компании-банкрота // «ЭЖ-Юрист». № 10 (1061), 2019.

Mkrtchyan Gennady Mnatsakanovich, postgraduate student, Department of Civil and Business Law, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: gena.mcrtchyan@yandex.ru

SOME ISSUES OF BRINGING THE CONTROLLING PERSONS OF THE DEBTOR TO SUBSIDIARY LIABILITY

Abstract

Federal law No. 266-FZ of 29.07.2017 "On amendments to the Federal law "On insolvency (bankruptcy)" and the Code of administrative offences of the Russian Federation" introduced a new Chapter in the Federal law of 26 October 2002 No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)" on subsidiary liability of persons controlling the debtor. This Chapter introduces a number of presumptions of control over the debtor, which allow for more effective accountability of the ultimate beneficiaries of the business. This article discusses the practice of bringing to responsibility persons benefiting from the unfair behavior of the debtor, liability for causing significant harm to creditors, as well as the filing of a bankruptcy application by the tax authority.

Keywords: *insolvency, bankruptcy, vicarious liability, beneficiary, beneficiary, debtor, transaction, lender, business, debt.*

Reference

1. Zajcev O.R. Iyul'skie popravki o subsidiarnoj otvetstvennosti v bankrotstve nepravil'no nazyvat' reformoj. Eto, skoree, restajling // «Korporativnye strategii» №42 (9708) 2017 g. S. 5 – 7
2. Bun'kov D. Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchih lic // "EZH-YUrist", 2017, N 9. intervaly
3. Kislov D. Kto otvetit za nalogovye grekhi kompanii // «Novaya buhgalteriya» №03 2019 S. 28 – 39.
4. Kolesnikova E.N. «O subsidiarnoj otvetstvennosti lic, kontroliruyushchih organizaciyu-dolzhnika» // "Finansovyj vestnik: finansy, nalogi, strahovanie, buhgalterskij uchet", 2017, N 12. S. 20 – 25.
5. Litovceva YU. «Nyuansy privlecheniya kontroliruyushchego dolzhnika lica k subsidiarnoj otvetstvennosti» // "YUridicheskaya rabota v kreditnoj organizacii", 2018, N 3. S. 39 – 46.
6. Ulezko A. Novye podhody k subsidiarnoj otvetstvennosti lic, osushchestvlyayushchih fakticheskij kontrol' // "YUridicheskaya rabota v kreditnoj organizacii", 2018, N 1. S. 4 – 15.
7. Naumova O. Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchih lic // "Administrativnoe pravo", 2019, N 1. S. 39 – 55.
8. Nyan'kin A. Uklonenie ot uplaty nalogov: kak gosudarstvo usilivaet kontrol' za narusheniyami Nalogovogo kodeksa // «EZH-Buhgalter Buhgalterskoe prilozhenie» № 50 (9766), 2018. S. 27 – 34.
9. Razumov I. Subsidiarnaya otvetstvennost' lic, kontrolirovavshih kompaniyu-bankrota: detal'naya instrukciya ot Verhovnogo Suda // "EZH-YUrist", 2018, N 1. S. 1 – 2.
10. Rykov I. Subsidiarnaya otvetstvennost' v Rossijskoj Federacii // "Statut", 2017 S. 192.
11. Rykov I.YU. «Subsidiarnaya otvetstvennost': tendencii sovremennogo menedzhmenta» // 2-e izdanie "Statut", 2019 S. 195.
12. Slonevskaya A.YU. Institut subsidiarnoj otvetstvennosti lic, kontroliruyushchih dolzhnika-bankrota // "Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii", 2017, N 1. S. 103 – 115.
13. SHestakova M. KS RF poyasnil, kogda nalogovye organy ne vprave vzyskivat' sudebnye raskhody i raskhody na voznagrazhdenie arbitrazhnomu upravlyayushchemu tol'ko s direktora kompanii-bankrota // «EZH-YUrist». №10 (1061), 2019.